

Е.С. Василевская (Минск, Беларусь)

**ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНОЙ НОМИНАЦИИ
В ПОВЕСТИ ВЛАДИМИРА КОРОТКЕВИЧА
«ЛАДЬЯ ОТЧАЯНИЯ»**

На материале повести Владимира Короткевича «Ладья Отчаяния» рассматриваются текстообразующие функции имен собственных в художественном тексте, выявляется подтекстовая информация, заложенная в антропонимах, определяется роль имени в реализации авторской идеи.

***Ключевые слова:** антропоним, личностная номинация, художественный текст, Владимир Короткевич, авторская идея.*

Художественный текст представляет собой специально организованное пространство, где каждый элемент вписывается в общую эстетическую картину, играет важную роль в реализации авторской идеи. Одним из таких значительных элементов текстового пространства являются собственные имена.

Антропонимы художественного произведения только внешне похожи на имена реальных людей. Они тесно вплетаются в ткань произведения, вступают во взаимодействие со всей системой средств, использованных автором для реализации художественной идеи. Имя, данное автором конкретному герою, не является случайным, и выбор антропонима – процесс целенаправленный и сознательный. Нередко авторы используют ассоциативность имени собственного, чтобы привлечь внимание к тому или иному персонажу [2, с. 145]. Примером этому может служить повесть Владимира Короткевича «Ладья Отчаяния» («Ладдзя Роспачы»).

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

Действие повести происходит в середине XVI века. Автор маркирует текстовое время достаточно расплывчатым указанием: *Жыў сабе год чатырыста назад у беларускім горадзе Рагачове небагаты, але добрага роду дваранін на прозвішчы Гервасій Выліваха* [1, с. 130]. Установить более точный промежуток времени помогает появление в качестве действующих лиц повести реальных исторических персонажей – польского короля Сигизмунда и его жены Боны Сфорцы. Как известно, Бона Сфорцы была королевой польской и великой княгиней литовской с 1518 по 1556 гг.

Достаточно точное указание на время и место действия (г. Рогачев) еще больше подчеркивают фантастический характер событий, описанных в повести. Сюжет повести достаточно традиционен и интертекстуален: путешествие главного героя в царство Смерти и его возвращение назад. Однако классик белорусской литературы очень своеобразно обыгрывает классический сюжет, насыщает его реалиями белорусской жизни XVI века и создает истинный шедевр, являющийся гимном Человеку.

Первое, что обращает на себя внимание, что автор выбирает на роль героя далеко не героическую личность – жителя Рогачева Гервасия Выливаху. В тексте повести для передачи авторских оценок и самохарактеристики этого героя чаще всего используется оценочная лексика с выразительной негативной коннотацией: *брахун* *разм., пагард.* ‘ілгун, хлус, манюка’, *бязбожнік* *лаянк., пагард.* ‘пра несумленнага чалавека’, *бабнік* *разм., зневаж.* ‘той, хто вельмі захапляецца жанчынамі’, *п’янюга* *разм, пагард.* ‘той, хто многа п’е спіртных напіткаў; алкаголік’ и др., что не сочетается с качествами положительного героя.

В художественном произведении антропоним всегда определяет статус персонажа: гендерная принадлежность, национальные и возрастные характеристики, социальное положение. Имя главного героя дает вдумчивому и понимающему читателю достаточно много информации о статусе этого героя: *Жыў сабе год чатырыста назад у беларускім горадзе Рагачове небагаты, але добрага роду дваранін на прозвішчы*

Гервасій Выліваха. Быў ён з калена Давойнаў, з клана – Мячоў, а якога герба – за даўнасьцю год забылася [1, с. 130].

Во-первых, имя подчеркивает достаточно высокий социальный статус героя: он, пусть и обедневший, но дворянин, о чем свидетельствует наличие фамилии. Во-вторых, фамилия дает полное основание считать нашего героя белорусом. Фамилию **Выливаха** (как помечает в сносках сам автор, **выливаха** – белая цапля) можно отнести к так называемым первичным белорусским фамилиям, образованным от имен собственных или кличек без добавления словообразовательных формантов. Такие фамилии Н.В. Бирило, основатель белорусской ономастической школы, считал истинно белорусскими [2, с. 65]. В-третьих, выбор имени позволяет судить о времени действия: оно не является употребительным в современной Беларуси.

Однако фактически имя и фамилия находятся в явном противоречии с собой: имя **Гервасій** – славянский вариант латинского имени **Гервасиус** ‘тот, кто владеет копьем’ – сочетается с фамилией **Выливаха**, которая имеет выразительную внутреннюю форму. Ассоциации, связанные с фамилией, рисуют читателю человека, который скорее владеет бокалом, нежели копьем. Это противоречие подчеркивается и особенностями поведения главного героя: *Сабою быў дзівосна гожы і пшычотны, а наводзін – самых заганных* [1, с. 130].

Композиционно в повести можно выделить две части – земная жизнь главного героя и его путешествие в царство Смерти.

В первой части Гервасия сопровождают его друзья: *І сябры ў яго былі адпаведныя. Андрэй Гарбаты з Брачыславічаў, Кірык Балабан з Гультаёў, Галляш Вясна са Свінчуковічаў ды яшчэ Іра Францічак, за пераплёт на служэньне надзелены вёскай Мазурыкі, родам багемец, але п’янюга і бабскі ліслівец – на трох беларусаў* [1, с. 130].

Обращает на себя внимание то, что выбор имени для друзей главного героя построен на том же принципе – заимствованное имя с положительной коннотацией первичного значения и говорящая белорусская фамилия: **Андрей** (греч. ‘мужественный, храбрый’) **Горбатый**; **Кирик** (форма грече-

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

ского имени **Кирилл** ‘властитель’) **Балабан** (‘болтун, пустослов’), **Гальяш** (форма еврейского имени **Илья** ‘Бог мой Яхве’) **Весна**, **Ира** (форма греческого имени **Ириней** ‘мирный’) **Франтичек** (уменьшительно-ласкательная форма имени Франтишек). Автор как бы играет с сочетаниями имени и фамилии, ассоциативно связывая слова не совсем связуемые между собой. Отметим и то, что в характеристики друзей Гервасия автор включает названия владений, тоже достаточно показательные: **Гультаи**, **Свинчуковичи**, **Мазурики**.

В результате создается портрет веселых, земных людей, для которых самое важное в жизни – получить от жизни удовольствие.

Эта веселая ватага не желает вписываться в уклад жизни славного города Рогачева: *Толькі ўсёй і працы ў іх было, што цягацца па корчмах і шынкарках ды па навакольных замках, калі гаспадара няма дома, піць віно, як Дняпро п’е Друць, ды дзярбаніць на лютнях і кімвалах багамерзкія песні* [1, с. 131]. И рогачевцы не могут смириться с разгульной жизнью Выливахи и его друзей.

Для описания рогачевского общества автор выбирает совершенно иной подход: *Адабралі жэнак у пана земскага пісара, і ў пана лоўчага, і ў пана старасты, і ў пана кашталяна, і ў пана наглядчыка за бабровымі гонямі* [1, с. 132]. В.Короткевич практически лишает жителей города Рогачева индивидуальности, делая акцент на должностях и социальном статусе. Личные имена упоминаются только у некоторых жителей: **Біскуп Смарагд** *хадзіў па наваколлі, зачыняючы грэцкага абраду цэрквы, а дабро іхняе рабуючы* [1, с. 132]; *А сам Гервасій Выліваха звёў і паў вельмі многіх, і нават каханку палкоўніка Чыжа* [1, с. 132]. Однако вновь обращает на себя внимание, что фамилия персонажа обязательно сопровождается указанием на статус: **бискуп**, **полковник**. Употребляя метафоры, автор лишает жителей Рогачева даже человеческого облика: *Ужо нібы не чалавечая зборня сядзела ў радзе і на капе, а статак галінастых аленьяў. І не глядзелі алені адзін аднаму ў вочы ад вялікага сораму* [1, с. 132].

Такой прием позволяет В. Короткевичу не только противопоставить компанию Выливахи и рогачевское общество, но

и высказать свое отношение к двум конфликтующим сторонам. Рогачевцы – безлика, лишённая проявления индивидуальности масса, для которой важны внешние приличия и высокий статус. Выливах и его друзья – живые, веселые, яркие и очень земные люди.

Подобный прием используют автор и во второй части повести, где герой оказывается в царстве Смерти. Вместе с другими людьми ладья отчаяния везет Гервасия к месту вечного пристанища. На ладье собралось достаточное большое количество гребцов, однако автор называет нам имена только двух из них – **Гервасия** и **Березки**: – *Мяне завуць Бярозкай, – з даверам сказала яна. – Язычніца? – Але. Царква не паспела дабрацца ў нашы балоты* [1, с. 149–150]. Для главного женского персонажа повести, той единственной, которая сможет изменить Гервасия, заставит узнать, что такое настоящая любовь, автор выбирает языческое имя **Березка**, которое соотносится с общим существительным и вызывает ассоциации с чем-то светлым и радостным.

Остальных персонажей, что плывут в ладье, автор дифференцирует по профессии (**поп**), месту жительства (**полочанин**) или просто называет человеком: *Поп хацеў нешта сказаць, але ягоня словы заглушыў крык несамавітага жаху* [1, с. 150]; *І раптам Палачанін грывнуў шахматнай дошкай аб каменныя пліты* [1, с. 164]; *У гэты момант маленькі чалавечак, што хаваўся дагэтуль за спінамі другіх, рассунуў натоўп...* [1, с. 165].

Остальные гребцы ладьи отчаяния выступают как единая масса, общий фон: *А былыя весляры ладдзі Роспачы тым часам ішлі ўсё далей і далей, і вопратка высыхала на гарачых інхніх грудзях, якія аж дымелі пад добрым сонцам* [1, с. 167]; *Людзі праходзілі паўз яго* [1, с. 166]. На наш взгляд, отсутствие имен у гребцов ладьи связано с тем, что они перестают быть живыми, становятся послушными рабами Смерти. И только Гервасий, даже в этих условиях остается человеком, который любит жизнь. Только такой человек с неисчерпаемой жизненной силой сможет победить Смерть. И не важно, что сделает он это обманом и хитростью, главное – он спасет жизнь себе и другим гребцам.

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

В.Короткевич словно ставит знак равенства между рогачевскими жителями и гребцами ладьи: и те, и другие мертвы душой, они не способны радоваться жизни. Поэтому нередко при номинации и тех, и других писатель использует метонимию: *Магістрат кінуўся ў паніку* [1, с. 146]; *Ладдзя зарагатала* [1, с. 151]

В.Короткевич как бы подчеркивает, что далеко не каждый человек заслуживает индивидуального имени, а только тот, который действительно является человеком – смелым, живым, верящим в свои силы, способным на сильные чувства.

Высказанную идею подтверждает и номинация еще одного персонажа повести – перевозчика ладьи отчаянья.

При первом появлении героя автор употребляет только слово *перевозчик*: – *Я перавозчык ладдзі Роспачы* [1, с. 143]. Это безглазое существо считает себя богом в этом страшном темном мире: *Вачэй не было. На іх месцы пушта расла белая плесня. Перавозчыку былі не патрэбныя вочы* [1, с. 147].

Однако когда перевозчик слышит песни родной земли, в нем оживает душа и открываются глаза: *І Выліваха ўбачыў, што з-пад плесні на вачніцах Перавозчыка пакаціліся раптам слёзы. Яны, відаць, былі вельмі някучыя, бо спалілі і знішчылі плесню. І з-пад яе з’явіліся раптам вочы, спалоханыя жудаснай веліччу гэтага ржавага мора. Сінія* [1, с. 148].

Вместе с душой оживают и чувства, главное из которых – стыд за предательство. А вместе с чувствами появляется имя: – *Я Шолах, – сказаў ён. – Я прадаў Полацк кіеўскаму Уладзіміру* [1, с. 148].

Таким образом, имена в художественном тексте приобретают особенную семантику, дополнительные коммуникативные, ассоциативные и коннотативные качества, становятся текстуально маркированным средством. Подобранные антропонимы работают на реализацию авторской идеи. Причем показательным в художественном произведении является как наличие, так и отсутствие имени собственного у персонажа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караткевіч, У. Ладдзя Роспачы / У. Караткевіч // Збор твораў: у 8 т. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1988. – Т. 2. – С. 130–169.
2. Мезенка, Г.М. Беларуская антрапанімія: вучэбны

дапаможнік для студэнтаў вышэйшых навучальных устаноў па
філалагічных спецыяльнасцях / Г.М. Мезенка [і інш.] ; навук.рэд.
Г.М. Мезенка. – Віцебск: Выд-ва УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”,
2009. – 238 с.